

нії) глубиной психологического анализа, сколько и высотой своего истинно духовного настроения! Вѣдь если есть действительная психологія, такъ главнымъ образомъ (если не исключительно) у тѣхъ подвижниковъ христіанства, которые утверждались на камиѣ „безумнаго“ вѣроученія Церкви. Неужели эти сердцевѣдцы не могли разобраться въ такой *очевидной*, по вашимъ словамъ, лжи? Странно, больше того,— непостижимо это эпидемическое ослѣщеніе, идущее изъ рода въ родъ въ столькихъ народахъ...

Миную ваши обычные упреки по адресу Церкви за искажение ею ученія Христа о судахъ, войнахъ и др. родахъ насилия. Прочтите, если вы не читали, „Три разговора“ Владимира Соловьевца: тамъ сказано объ этомъ много такого, что должно бы, кажется, заставить васъ задуматься...

Перехожу въ вашему заключительному *profession de foi*. Нѣсколько разъ перечитывая я этотъ краткий символъ вашей вѣры и каждый разъ неизмѣнно испытывать одно и тоже тоскливо-гнетущее чувство. Слова все хорошия: Богъ, Духъ, любовь, правда, молитва, а въ душѣ пустота получается по прочтениіи ихъ. Не чувствуется въ нихъ жизни, вѣянія Духа Божія... И Богъ, и Духъ, и любовь, и правда—все какъ-то мертвѣо, холодно, разсудочно. Невольно вспоминается вашъ переводъ 1 гл. Евангелія отъ Іоанна, где вы глубокое, могучее „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“ замѣнили жадкимъ „въ началѣ было разумѣніе, разумѣніе стало вмѣстѣ Бога, разумѣніе стало Богъ“. Левъ Николаевичъ, какой же это Богъ—*разумѣніе*? Вѣдь попросту сказать, вашъ Богъ есть только ваша *идея*, которую вы обновили и обновываете, переворачивая ее со стороны на сторону въ течение 2 десятилѣтій. Вы никакъ не можете выйти изъ заколдованныго круга собственнаго „я“. Даже въ молитвѣ, этомъ высочайшемъ душевномъ актѣ, не должно связующемъ христіанина съ Богомъ и раздвигающемъ границы человѣческаго „я“ до безконечности Божіей, вы